

№ 2

12 іюня

5 коп.

ЗРИТЕЛЬ

ГОДЪ I.

ЕЖЕНЕДПЬЛНО.

1905.

ГАЛЬМАНИНЪ

30-лѣтній

УСПѢХЪ.

Всѣмъ извѣстный порошокъ противъ прѣвнй тѣла, особенно пожнхъ пальцевъ.

Остерегаться поддѣлокъ и другихъ препаратовъ подъ разными названіями, не достигающихъ своей цѣли.

Настоящій Гальманинъ обернутъ въ англійскую коричневую бумагу съ водяными знаками «Гальманинъ-Карнивекаго» — «Mon meilleur camouflage», и получить его можно въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

МАГАЗИНЪ и МАСТЕРСКАЯ ЧАСОВЪ

БРИЛЛИАНТОВЫХЪ, ЗОЛОТЫХЪ и СЕРЕБРЯНЫХЪ ВЕЩЕЙ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Литейный проспектъ, домъ № 30.

СКЛАДЪ ЧАСОВЪ:

КАРМАННЫХЪ, СТѢННЫХЪ, БУДИЛЬНИКОВЪ

И МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ЯЩИКОВЪ

ЛУЧШИХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ФАБРИКЪ.

Пріемъ въ обновленіе часовыхъ корпусовъ.

ЗОЛОЧЕНІЕ, СЕРЕБРЕНІЕ,
ГРАВИРОВАНІЕ,
ЭМАЛИРОВАНИЕ
И ОКСИДИРОВАНИЕ
РАЗНЫХЪ МЕТАЛЛОВЪ.

МОНОГРАММЫ
И
ФАКСИМИЛЕ.

СПЕЦИАЛЬНЫЯ
МАСТЕРСКІЯ ЧАСОВЪ
ЗОЛОТЫХЪ и СЕРЕБРЯНЫХЪ
ВЕЩЕЙ.

Это мѣсто занято см. № 5.

Курортъ КУПАНЬЕ ГАЛЛЬ

въ Верхней Австріи

Первоклассныя іодо-бромистыя купанья

Старѣйшій и цѣлебнѣйшій іодистый источникъ Европы.

Подробныя свѣдѣнія сообщаются Управленіемъ.

САДЪ ВЪ ДЕСЯТЪ

бывшее К. Д. Арцыбушева

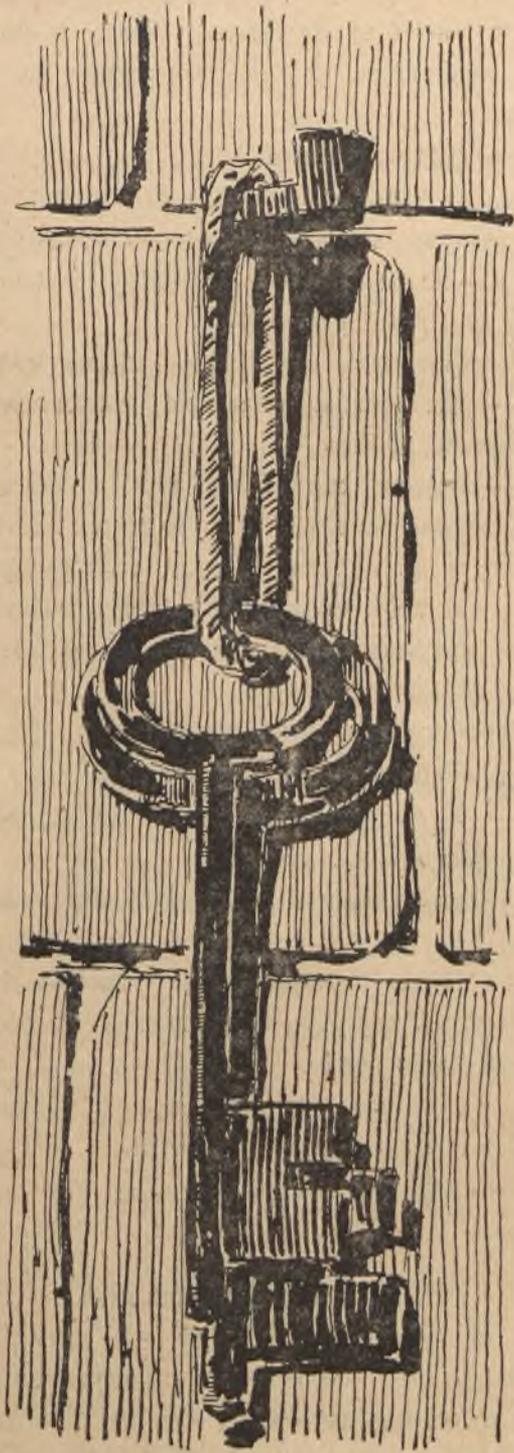
(Ст. Кшень Кіево-Воронежской ж. д.).

Плодовые и декоративные деревья и кустарники.

Каталоги высылаются по требованію.

Центральная редакция
Издательство
г. Н. А. ПЕТРАКОВА

ОТД. ИСКУС.
ИЗОБРАЗИТЕЛЬ.
ПРОДУКЦІЯ

СТАРОЕ ПРЕДАНИЕ

Поздно ночью разошлись по домам старые судьи.

Они были утомлены: два дня подряд они глядели на упрямое, безпокойное лицо преступницы и искренно возмущались.

Она держала себя вызывающе. Она ни въ чемъ не сознавалась и ни звука не отвѣчала на задаваемые ей вопросы.

Инквизиторы теряли голову и предлагали председателю испробовать силу колодокъ, огня.

Судьи охотно соглашались, но старый аббатъ, — любимецъ сюзерена, вмѣшивался не въ свое дѣло и мѣшалъ осуществиться правосудію въ полной мѣрѣ.

Преступницу судили по всей строгости законовъ.

А когда ее признали виновной, ее отвели въ тюрьму.

Тамъ она провела много-много дней, и тюрьма перестала быть для нея страшной. Тамъ у нея были свои любимые уголки, свои любимыя животныя и мокрицы.

Тамъ у нея былъ свой собственный міръ...

Ее осудили на казнь. И народъ, узнавъ объ этомъ, въ восторгъ кричалъ передъ замкомъ:

— Великій сюзерень! Ты—правосудень!

* * *

А когда наступила ночь, и преступница легла на солому, чтобы выспаться передъ завтрашней кончиной, — послышался стукъ засововъ.

Она поднялась съ мѣста и прошептала:

— Я еще не соснула! Я устала... Я хочу спать... Рано еще...

Но засовы продолжали стучать и звякать и будить чуткую тишину мрачнаго подземелья.

Отворилась дверь, окованная желѣзомъ, спали замки.

И свѣтъ факела освѣтилъ стараго аббата.

Онъ былъ блѣденъ. Руки его дрожали и въ голосъ чувствовались слезы.

Онъ былъ одинъ безъ провожатыхъ.

— Зачѣмъ? — спросила преступница. — Зачѣмъ ты пришелъ? Развѣ ты не знаешь что я...

— Я знаю! — сказалъ аббатъ. — И я пришелъ къ тебѣ не затѣмъ...

— Что тебѣ надо отъ меня, старикъ? У аббата затряслись руки.

— Ты — такъ хороша! У тебя роскошныя волосы. Твои глаза глубоки и сулятъ счастье. Тебя нельзя не любить...

— Что ты говоришь! Такъ ты за этимъ пришелъ ко мнѣ? Ты? священникъ? служитель алтарей!..

И преступница расхохоталась громко и презрительно.

— Да, ты прекрасна, ты молода!— продолжалъ аббатъ. — Не стыдно говорить о красотѣ и прекрасномъ! И я не стыжусь...

Аббатъ входитъ въ тюрьму.

Ты — хороша! ты ничего не свершила, что могло бы наложить на тебя пятно, не смывающееся пятно... Ты — не преступница! Ты — страдающая и прекрасная женщина... Тебя нельзя не любить...

— Что ты говоришь, старикъ? Опомнись...

— Я говорю правду. Ты — не преступница! И я готовъ сказать это въ глаза сю-

зерену. И—кто знаетъ? — если бы во мнѣ сидѣла душа не зайца, а мужа, я пошелъ бы за тобою въ тюрьму... Но я не пойду! Ты—прекрасна, и все прекрасное должно жить...

— Уйди, старикъ!

— Я уйду! Но я уйду не раньше, какъ ты будешь спасена. Одно слово, одинъ звукъ,—и ты спасена! Только одно слово... Тебѣ не хочется жить?

Преступница вздрогнула и задумалась.

— Ты хочешь жить! Да, ты хочешь! — повторилъ аббатъ.

— Зачѣмъ жить? для кого и для чего? Эта толпа рабовъ... Ей нужны плети и палки, и не нужны люди... Зачѣмъ жить?

— Я тебѣ скажу!—отвѣтилъ аббатъ и, низко наклонившись къ ней, что-то шепнулъ ей на ухо.

Преступница опять вздрогнула. На лбу у нея образовались глубокия складки...

— Я готова еще жить!—крикнула она и выпрямилась...

Аббатъ улыбнулся и тихо-тихо заплакалъ.

— И ты будешь жить!—сказалъ онъ...

Потомъ наступило молчаніе. И въ казематѣ стало тихо.

* * *

— Спасай же меня, старикъ! — твердила преступница въ бреду.—Я хочу жить. Я люблю эту жизнь, эту вѣчную борьбу. И я не теряю надежды, что мы побѣдимъ. Мы побѣдимъ, старикъ! Твой міръ распадется и его развѣтетъ вѣтеръ. Толпа приблизитъ къ намъ и будетъ просить утѣшенія. Мы дадимъ его ей. И оно будетъ непохоже на то, которое даете ей вы... Спасай же меня, старикъ!

Аббатъ улыбнулся тихой улыбкой, въ которой было много любви.

— Гляди! — сказалъ онъ и показалъ преступницѣ свитокъ.—Вотъ твое спасеніе! Я его держу въ своихъ рукахъ...

— Покажи мнѣ его! Покажи!

— Гляди! Этотъ свитокъ написанъ

моей рукой. Самъ сюзерень одобрилъ мой планъ. Вѣдь, онъ добрый, нашъ сюзерень. И онъ сказалъ мнѣ по секрету, чтобы я принесъ тебѣ этотъ свитокъ...

— Сюзерень? Значить, и сюзерень на моей сторонѣ? — воскликнула преступница.

— О да! Сюзерень такъ неизмѣримо добръ. Онъ такъ мнѣ и сказалъ: «Аббатъ, ступайте къ этой несчастной женщинѣ и отнесите этотъ свитокъ. Она — такъ несчастна!»

— Я? несчастна?

— Ну, да! И я принесъ тебѣ этотъ свитокъ. Ты его подпишешь. И не успѣешь солнце заглянуть въ твоё окошко, какъ ты уже будешь на свободѣ... Вотъ... бери... подписывай...

— Что это?

Преступница взяла въ руки свитокъ. И чѣмъ больше читала, тѣмъ темнѣе становилось ея лицо.

— Поняла теперь? — спросилъ аббатъ, когда чтеніе было окончено.

— Да, поняла! — глухо отозвалась преступница. — Поняла. Ступай, старикъ изъ каземата. Я не хочу твоего спасенія...

— Что ты говоришь?

— Я не хочу. Я не хочу подписывать раскаянія и просить милости. Я знала, куда и зачѣмъ я иду. И я пришла, отдохнула здѣсь въ тюремѣ, и завтра пойду оканчивать мой долгій путь на эшафотъ. Ступай, старикъ!..

Аббатъ поблѣднѣлъ еще болѣе, и факель въ его рукѣ задрожалъ.

— Безумная! Опомнись. Тебѣ ничего не стоитъ подписать бумаги. Одинъ звукъ, одно только слово, имя твое... И ты будешь жить...

Преступница молча легла на землю и повернулась къ стѣнѣ.

— Женщина! Ты — прекрасна и ты должна жить! Я умоляю тебя... И если ты не хочешь подписывать сама, то позволь мнѣ твою руку. И я своей рукой заставлю твою руку подписать твое имя...

Преступница не отвѣчала...

И долго еще говорилъ аббатъ... Уже погасъ факель, въ окошко прокрался лучъ

зари. Онъ разбудилъ мокрицъ, и онѣ поползли по стѣнѣ, недовольныя свѣтомъ...

— Женщина, опомнись! Я заклинаю тебя!..

Отвѣта не было: преступница спала крѣпкимъ предутреннимъ сномъ.

Аббатъ поднялся на ноги.

Онъ поглядѣлъ на догорѣвшій факель, на стѣны... Въ немъ вздрогнула душа мужа.

И разорвалъ свитокъ на мелкія части...

* * *

Назавтра состоялась казнь.

Было много народа. Были женщины, дѣти, старики и юноши.

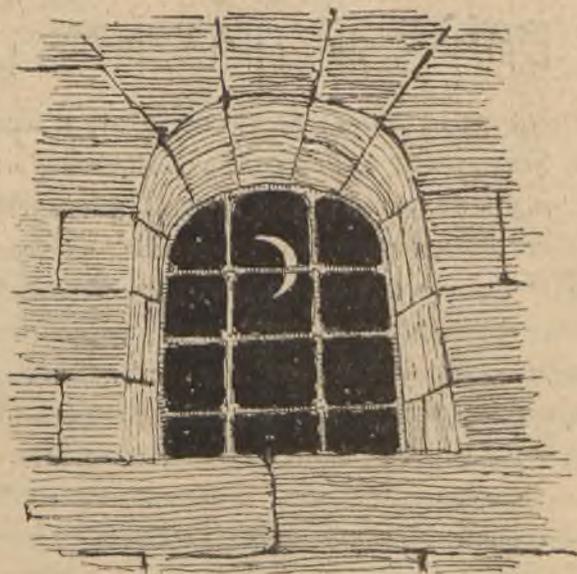
Эшафотъ былъ грязенъ и мокръ отъ дождя. Въ воздухѣ висѣла пелена тумана и застилала эшафотъ...

А когда кончилась казнь, то все разошлись.

Подъ вечеръ сняли два трупа. На нихъ были надѣты бѣлые балахоны. И трудно было узнать, въ какомъ изъ нихъ женщина и въ какомъ мужчина.

На другой день эшафотъ убрали, но не надолго.

Замокъ сюзерена виденъ и теперь на одной изъ высокихъ горъ страны.

* *
*

Набѣжали тучки грозовыя,
Оглядѣли пажити и нивы...
Гдѣ же вы, колосьевъ переливы?
Гдѣ же вы, колосья золотые?

* * *

Почему такъ поле молчаливо?
Почему всѣ выжжены посѣвы?
Гдѣ же пахарей печальные напѣвы?
Почему все смотритъ сиротливо?

* * *

Оглянулись тучки грозовыя:
Далеко чернѣютъ гдѣ-то нивы
Кровью пахарей политы, молчаливы...
Трупы... кости... вороны чужіе...

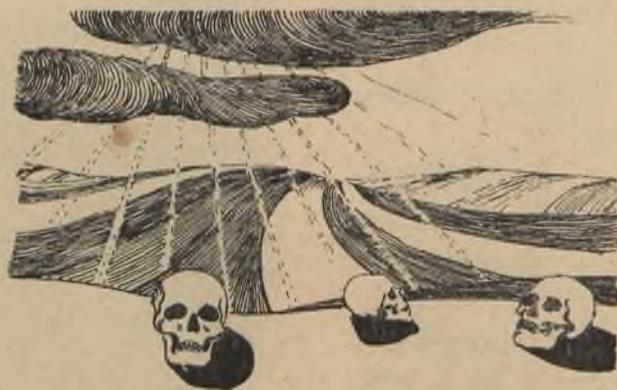
Мертвый сѣятель и мертвыя долины...
Все молчитъ, все чутко ждетъ чего-то...
Страшной тѣнью тамъ блуждаетъ кто-то,
И костры усѣяли вершины...

* *

Разбѣжались тучки въ поднебесной.
Далеко ихъ грозный кличъ несется.
Лѣтній громъ рыдаетъ и смѣется.
И огнемъ пылаетъ край окрестный...

* * *

Разбѣжались тучки грозовыя...
«Ангель мира! Собирай дружины!
Пахарь-нищій, приходи съ чужбины
И взрости колосья золотые!»

ВАЖНЫЙ ПРОЕКТЪ

Несмотря на лѣтнее время, на духоту и жару, всѣ были въ сборѣ. Всѣ отлично понимали, что наступилъ моментъ, весьма важный и знаменательный въ исторіи того учрежденія, во главѣ коего стоялъ извѣстный администраторъ Широковзглядовъ. Сегодня проектъ надъ разработкою котораго трудился особый комитетъ, долженъ получить окончательную редакцію, а черезъ нѣсколько дней о благодѣтельствоватъ населеніе.

Въ казенныхъ стѣнахъ чувствовалось нѣчто необычайное. У всѣхъ были серьезныя, торжественныя лица. Курьеръ Свернишеевъ стоялъ у дверей и необычно благоговѣйно снималъ пальто у чиновниковъ комитета, создавшихъ проектъ.

Ровно въ одиннадцать часовъ и десять минутъ утра въ дверяхъ появился самъ Широковзглядовъ.

Онъ молча отвѣтилъ на поклонъ курьера и сталъ уже подниматься на лѣстницу, какъ вдругъ остановился и измѣнившимся голосомъ произнесъ:

— Свернишеевъ! Если придутъ корреспонденты, проси ихъ ко мнѣ. Я имъ самолично дамъ указанія. Понялъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство!

— Всѣхъ корреспондентовъ... Различія между изданіями не дѣлай: пусть даже и радикальныя придутъ... Корреспондентамъ, тебѣ лично извѣстнымъ и въ благонамѣренности коихъ ты не сомнѣваешься, предложи стулья... въ пріемной... Понялъ?

— Слушаю-сь! А этихъ тоже прикажете пускать?

— Какихъ «этихъ»?

— Тѣхъ, которые, стало быть, по части обличительной?

Широковзглядовъ улыбнулся снисходительно и мягко.

— Пускай и этихъ! Теперь и они могутъ придти къ намъ и посмотрѣть на наши труды!..

И словно 19-ти лѣтній юноша, онъ быстро поднялся въ свой кабинетъ.

Секретарь комитета, подающій надежды чиновникъ Сплетниковъ, съ портфелемъ стоялъ у дверей.

— А, юноша—привѣтствовалъ его Широковзглядовъ.—Ждете меня? Ну? волнуетесь ужасно? да? что скажутъ? какъ примутъ наше творенье? Ничего, ничего... Мы имъ покажемъ!..

Широковзглядовъ и Сплетниковъ вошли въ кабинетъ.

— Садитесь... Мы должны съ вами еще разъ проштудировать проектъ раньше, чѣмъ онъ станетъ общимъ достояніемъ!—сказалъ Широковзглядовъ и сѣлъ на кресло.

Сплетниковъ вынулъ изъ портфеля толстое дѣло въ синей обложкѣ, положилъ на него обѣ руки и трепетно произнесъ.

— Ваше превосходительство! Черезъ какой-нибудь часъ все будетъ кончено. Возврата нѣтъ. А потому я считаю своимъ священнымъ и служебнымъ долгомъ отмѣтить нѣкоторое явленіе...

Въ голосѣ Сплетникова зазвучало безпокойство. Широковзглядовъ посмотрѣлъ на чиновника и поблѣднѣлъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ.

— Мнѣ очень грустно, но я считаю служебный долгъ выше всякихъ другихъ обязанностей. Мнѣ стыдно, мнѣ можно сказать, страшно, что всякія благія начинанія, всѣ благодѣтельные реформы встрѣчаютъ себѣ противниковъ и критиковъ не только до обнародованія ихъ, не только до опубликованія, но даже среди тѣхъ, кои должны по службѣ приходить въ соотвѣтствующій восторгъ...

— Я ничего не понимаю!

— Я полагаю, ваше превосходительство, что такіе люди создаютъ ранѣе времени опредѣленный взглядъ на предстоящія реформы, что такіе дѣятели сѣютъ недовѣріе къ властямъ и колеблятъ самую силу будущаго, хотя и не опубликовавшаго закона, что они растлеваютъ человѣче-

ское общежитіе и подрываютъ авторитетъ власти. Я долженъ сказать, что чиновникъ ввѣреннаго вашему превосходительству управленія, небезызвѣстный своими склонностями къ оппозиціи, фамилію коего я не рѣшаюсь по чувству товарищества произнести, сей чиновникъ...

— Подождите!—прервалъ его Широковзглядовъ и нажалъ кнопку электрическаго звонка.

Въ дверяхъ появился курьеръ.

— Скажи господину Законникову, чтобы онъ написалъ представленіе объ увольненіи чиновника Неспокойнаго!

— Слушаю-сь!

— Продолжайте!—проговорилъ Широковзглядовъ, обращаясь къ Сплетникову.

— Сей чиновникъ, ваше превосходительство,—продолжалъ Сплетниковъ пониженнымъ тономъ,—вчера въ присутствіи многочисленныхъ сотоварищей и подчиненныхъ позволилъ себѣ назвать нашъ проектъ «бюрократической чепухой» и другими соотвѣтствующими наименованіями. Я полагалъ, что такое отношеніе не мыслимо по отношенію къ предначертаніямъ, а посему, сдѣлавъ указанія господину Неспокойному, счелъ за благо довести о семъ до свѣдѣнія вашего превосходительства!

Сплетниковъ вздохнулъ и скромно опустилъ глаза.

— Другъ мой!—съ волненіемъ прошепталъ Широковзглядовъ.—Я васъ уважаю... сильно, искренно, сильнѣе, чѣмъ... многихъ другихъ! И не стѣсняйтесь! Я понимаю, что говорить про товарища—тяжело, трудно, но интересы службы, интересы власти—выше всего. И я уважаю васъ. Вы поступили, какъ повелѣваетъ долгъ всякаго. Ну? итакъ перейдемте къ чтенію!

— Ваше превосходительство желаетъ все подвергнуть чтенію?

— Это васъ утомитъ. Написано великолѣпно, прямо-таки гениально, и я съ удовольствіемъ прочту проектъ весь цѣликомъ на свободѣ. Теперь же ограничьтесь чтеніемъ самаго важнаго: вступленія и заключенія... Это такъ отлично!

— Слушаю-сь!—отвѣтилъ Сплетниковъ и раскрылъ дѣло.

Широковзглядовъ слушалъ и думалъ:

«Какъ онъ пишетъ! Боже, какъ онъ пишетъ! Передовикъ и все тутъ».

Сплетниковъ читалъ медленно, внушительно и авторитетно.

«Со времени провозглашенія руководящихъ предначертаній,—читалъ Сплетниковъ,—ввѣренное мнѣ вѣдомство было занято изученіемъ вопросовъ, разрѣшеніе коихъ направлено къ урегулированію однихъ изъ наиболѣе важныхъ отношеній власти. Институтъ законности предполагаетъ, что всякія отношенія должны быть регламентированы самымъ подробнымъ образомъ, не оставляя и тѣни сомнѣній и недомолвокъ. Это соображеніе и послужило исходнымъ пунктомъ для занятій комитета, который имѣлъ всего 18 засѣданій».

— Виноватъ!—перебилъ Сплетникова Широковзглядовъ.—Слово «всего» не мѣшало бы изъять. Оно мѣшаетъ. Какъ будто мы показываемъ, что мы спѣшимъ, или считаемъ эту цифру малой...

— Слушаю-сь! Ваше замѣчаніе совершенно справедливо. «18 засѣданій... На означенныхъ засѣданіяхъ выяснилось, что польза народа и его наиболѣе важные интересы требуютъ изысканія тѣхъ способовъ, кои положили бы административнымъ»...

Въ эту минуту вошелъ курьеръ и доложилъ о приѣздѣ баронессы фонъ-Плутъ.

— Я не могу ее принять!—недовольно сказала Широковзглядовъ.—Нашла тоже время... У насъ проектъ, а она со своимъ племянникомъ пристаётъ... Проси баронессу приѣхать завтра. Скажи, что у меня засѣданіе, что я не могу, что меня нѣтъ... Пошелъ! Продолжайте, другъ мой! улыбнулся Широковзглядовъ Сплетникову.

Чтеніе продолжалось. Сплетниковъ читалъ долго, читалъ до тѣхъ поръ, пока крупныя капли пота не стали падать съ кончика его носа на казенную бумагу.

А когда онъ кончилъ, то Широковзглядовъ всталъ съ мѣста и, подойдя къ Сплетникову, обнялъ его.

— Спасибо!—сказалъ онъ прослезившись.— Ни я, ни народъ, никто не забудетъ вашихъ трудовъ! Потомство васъ оцѣнитъ по заслугамъ! Теперь проектъ можно пустить въ толпу. Курьеръ!

Вошелъ курьеръ.

— Корреспонденты пришли?

— Такъ точно! Всѣ собраны въ приемной!

— Другъ мой! — сказалъ Широковзглядовъ Сплетникову.—Пойдите къ нимъ, къ этимъ вѣстникамъ нашихъ благодѣяній! Пойдите и разъясните, что мы изготовили для міра!

Сплетниковъ вышелъ.

Черезъ полчаса толпа хроникеровъ, словно муравьи, возились надъ дѣломъ въ синей обложкѣ, на которой крупными буквами значилось:

«Дѣло № 61849207—объ измѣненіи способовъ, приѣмовъ и методовъ ношенія должностными лицами носовыхъ платковъ при парадной и обыкновенной формахъ.—Проектъ».

Такъ было облагодѣтельствовано населеніе.

Мухи

(Басня).

Собравшись на оклѣ,
Жужжали мухи...
Одни съ помойныхъ ямъ переносили слухи,
Другія трактовали о войнѣ.
— «Друзья, я слышала, что намъ, корреспондентамъ,
Повсюду предоставятъ входъ:
Не будетъ мѣста грустнымъ инцидентамъ,
За лалки насъ никто брезгливо не возьметъ,
И липкихъ соусовъ развѣшивать не будетъ,
О канцелярщинѣ въ навозпкахъ забудутъ,
И гласность весь освѣтитъ міръ...
Вотъ будетъ пиръ, такъ пиръ!»
Свободный входъ повсюду:
На кухни, въ чайный шкафъ, въ посуду
И даже въ кабинетъ задумчивыхъ людей,
Гдѣ нынѣ у дверей,
Помимо подписей, не мало сторожей,
И гдѣ стоятъ курьеры...
Залѣземъ въ сундуки, осмотримъ все: портьеры,
Столы, рояли, сапоги...
И пусть кричатъ о гласности враги,
Пусть въ свѣтобоязливый кругъ
Они сомкнутся... Вѣрьте...»
Вдругъ
Кухарка грязная съ словами: «черти!
Ишь сколько набралось!» тряхнула грязной тряпкой...
Всѣ мухи—по стѣнамъ, и лишь ораторъ лапкой
Два раза шевельнулъ и испустилъ свой духъ...

Не всякій вѣрець слухъ.

Въ пріемной.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Въ тотъ самый вечеръ, когда Семена Павловича обмыли, одѣли и положили на столъ,—рядомъ съ комнатою, въ которой лежалъ покойникъ, происходило семейное совѣщаніе.

Смерть Семена Павловича была для всѣхъ неожиданной.

А потому не странно, что всѣ въ домѣ были смущены смертью.

На совѣщаніи присутствовали тѣ, кому было дорого имя Семена Павловича. Предстояло рѣшить одинъ очень важный и сложный вопросъ.

— Я, господа, — началъ такъ племянникъ Семена Павловича, студентъ университета,—я предлагаю нижеслѣдующую редакцію: Потрудитесь ее выслушать! «За бюрократической никому не нужной работой, движимый чувствомъ любви къ родинѣ и народной гордости, скончался вчера дѣйствительный статскій совѣтникъ Семенъ Павловичъ Пустопорожневъ, о чемъ племянники, дѣти и внуки покойнаго извѣщаютъ съ глубокимъ чувствомъ огорченія»... Такъ?

— Хотя ты и бѣлоподкладочникъ и шпагоносецъ, но ты—глупъ!—отвѣтилъ ему человекъ въ чиновничьей тужуркѣ.

— Не забывайся!—сказалъ студентъ.—Я предлагаю, ты оспаривай, но ругаться въ наше время въ общественныхъ засѣданіяхъ...

— Ну, да, да! Ты—не уменъ!—повторилъ чиновникъ.—И вотъ почему. Я—такой же племянникъ Семену Павловичу, какъ и ты. И я имѣю право оспаривать. Семенъ Павловичъ былъ для всѣхъ насъ отцомъ, а не дядей, самымъ нѣжнымъ и любящимъ отцомъ... По его протекціи я попалъ въ министерство, какъ по той же протекціи—ты въ университетъ...

— Какой вздоръ! Неправда!..

— Сушая правда! И, будь дядюшка живъ, ты по той же протекціи попалъ бы на службу и получилъ бы мѣсто въ министерствѣ. Слѣдовательно, мы не можемъ писать такую глупость, какъ написалъ ты о бюрократической работѣ... Эта работа—не менѣе почтенна, чѣмъ нахождение въ университетѣ...—Я протестую противъ редакціи и предлагаю написать просто: «скончался гражданинъ и человекъ такой-то»...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не согласна...—закричала полная дама.— Я племянница и имѣю права на дядю... Я прошу не смѣшивать словъ гражданина и человека. Теперь слово гражданинъ—слишкомъ либерально, а слово человекъ пахнетъ босякомъ, Горькимъ... Надо выдумать что-нибудь поумнѣе. Надо показать толпѣ, что онъ ее благодѣтельствовалъ. Я помню такой случай: дядя хотѣлъ

выгнать одного чиновника. Пришла его жена плачетъ и представляется. Дядя—строгъ, но справедливъ и говоритъ ей: «Вашъ мужъ, сударыня, ни на что не способенъ: своимъ участіемъ въ газетахъ онъ себѣ испортилъ слогъ!» Она продолжаетъ просить. Дядя былъ строгъ, но справедливъ. Чиновникъ остался на службѣ и большъ въ газетахъ не участвовалъ. Этотъ фактъ надо непременно отмѣтить...

— Не писать же намъ біографію дяди! Надо объявленіе. Короткое и выразительное...—сказалъ молодой гвардеецъ.—Я предлагаю ограничиться немногими словами: «Такой-то скончался». И больше ничего. Никакихъ прискорбій, ни чувствъ, ни племянниковъ, ни дѣтей.

— Васенька, что ты говоришь? Онъ былъ дѣйствительнымъ статскимъ... Подумай...

— Самый обыкновенный чинъ... Штатскій чинъ! Поднялся шумъ.

— Онъ былъ почтенный человекъ!—кричали кругомъ.—Его всѣ любили и всѣ уважали... Это былъ государственный мужъ! Свѣтило и будущій министръ... Кикимора... слабоумный...

Долго спорили, горячились и даже бранились. Вдругъ отворилась дверь. На порогѣ стояла фигура въ бѣломъ и молча смотрѣла на собраніе.

— Ахъ, дядя всталъ!

— Что такое?

— Какой дядя. Это его камердинеръ... Карпъ, подойди сюда!

— Какъ я испугалась! Онъ такъ похожъ на дядюшку! Бѣдный дядя!

Карпъ подошелъ къ столу и тихо сказалъ:

— Я покойному барину ленту завязалъ своими руками... Самъ я... Любилъ меня баринъ... «Карпъ,—говоритъ онъ мнѣ вчера—ты, говоритъ, и я, мы съ тобой люди!»

Карпъ захныкалъ.

— «Люди», говоритъ.—«Чѣмъ же спрашиваю, ваше превосходительство, мы люди?» А тѣмъ, говоритъ, что мы съ тобой, говоритъ, люди! Вся эта молодежь наша—ничего не стоитъ. Ничего. Все какія-то разныя мысли тамъ имѣютъ, чего-то хотятъ. Вотъ, говоритъ, мы съ тобой ничего не хотимъ. И мы—люди!»

Карпъ захныкалъ еще больше прежняго.

— «Ни съ кѣмъ, говоритъ, во всю мою жизнь не любилъ я разговаривать, какъ только съ тобой, говоритъ. Никто меня не понимаетъ, только, ты, говоритъ, понимаешь. Словно, говоритъ, у насъ съ тобой и голова, и душа—одна и та же, говоритъ!»

Карпъ затрясся всѣмъ туловищемъ.

— «Баринъ, говорю, ваше превосходительство! Какъ же это, говорю, такъ: вы, говорю, генералъ и съ лентою, а я—хамъ. Какъ же у насъ съ вами и голова, и душа одинаковая? «Такъ, говоритъ, и одинаковая. Что, говоритъ, я думаю,

то и ты думаешь, кого я люблю, того и ты, навѣрно любишь, кого я ненавижу, и ты тѣхъ ненавидишь! Я говорю: ваше превосходительство, да почему же это такъ? А онъ мнѣ въ отвѣтъ: «По душѣ мы одинаковы, родственники близкіе: Положеніе—ничего не значить: и генераль можетъ думать такъ, какъ лакей, и лакей иногда генеральскія мысли имѣеть!» Сказалъ это онъ, повернулся и заснулъ. А по утру гляжу: мертвый онъ...

Карпъ разрыдался и опустился на стулъ.

Продолжать засѣданіе было невозможно: всѣ были взволнованы, слезы Карпа были искренни.

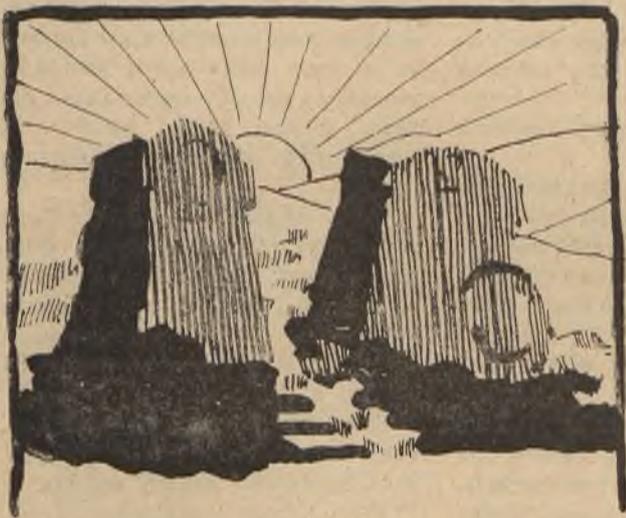
— Но вѣдь объявленіе не ждетъ!—говорили нѣкоторые.

— Я придумала!—сказала молодая дама.—Я отлично придумала, что мы должны дѣлать. Спросимъ Карпа... Разъ онъ всегда думалъ и мыслилъ, какъ дядя, то пусть Карпъ напишетъ самъ. И выйдетъ, будто дядюшка свое автообъявленіе написалъ. Хорошо?

— Это остроумно!

Если бы въ домѣ не было покойника, молодая дама выслушала бы апплодисменты.

Черезъ часъ было составлено автообъявленіе. И всѣ нашли его по слогу и содержанию напоминающимъ дядю. Удовольствіе было общимъ и полнымъ.

АФОРИЗМЫ И ОТРЫВКИ

Найденовъ—„Авдотина жизнь“.

Мы, бабы, до сихъ поръ ничего своего не сказали. Каменныхъ много, а настоящаго дома ни одного.

Хоть приди сейчасъ солдаты, не наши, иностранцы, разрушь весь домъ, убей всѣхъ насъ, и то эта земля останется,—такъ невидимая по камнямъ будетъ питать.

Кто черезъ черныя ходы приходятъ, о тѣхъ не докладываютъ.

Ни замками, ни цѣпями душу не удержишь.

Мы родились на берегу рва, вонючаго болота, и куда бы мы ни переѣзжали, мы опять очутимся на немъ.

Гусевъ—Оренбургскій—„Страна отцовъ“.

Точно ярлыки какіе на всѣхъ налѣплены, какъ на пивныхъ бутылкахъ.

Тириковъ—„Иванъ Мироньичъ“.

Если человѣка раздѣлить пополамъ, то выйдетъ червякъ.

Андреевъ—„Марсельеза“.

И навсегда онъ сталъ знаменемъ нашимъ—это нечтожество съ тѣломъ зайца и рабочаго скота и съ великою душою человѣка.

Депутатка

— Ангель мой: Сонечка! неужели это ты? Откуда? Какими судьбами?

— Я прямо съ вокзала къ тебѣ! Такъ устала, такъ устала! Я къ тебѣ на нѣсколько мнутъ!..

— Какъ? на нѣсколько мнутъ? Да вѣдь ты пріѣхала изъ своей глуши за четыреста верстъ?

— Да, да! И по самому спѣшному, неотложнѣйшему дѣлу... Ты, конечно, догадываешься, зачѣмъ я здѣсь, въ столицѣ?

— Право, не догадываюсь... Неужели ты слѣдомъ за Антономъ Павловичемъ? Какъ тебя отпустилъ мужъ?

— Не догадалась. Съ нимъ у меня все порвано!..

— Право же, не понимаю! Ребятъ устраивать пріѣхала въ школы?

— Фл, душечка... Какія теперь школы... Ни за что. Я не позволю дѣтямъ заниматься ученіемъ, когда у насъ совершаются такія событія... Ни за что... Я пріѣхала... Ты, вѣроятно, знаешь, что мы, женщины получили право голоса въ народномъ представительствѣ?

— Нѣтъ... Откуда ты это знаешь?

— Мы въ провинціи всегда раньше узнаемъ... Намъ говорилъ становой, другъ моего мужа... Да и полковникъ жандармскій тоже самое утверждаетъ... Имъ не знать! Они все знаютъ, даже о чемъ мы съ тобой говоримъ сейчасъ,— и то знаютъ...

— Удивительно!

— Ничего удивительнаго! Это ихъ служба! Ну, такъ вотъ я и пріѣхала въ Питеръ, чтобы прежде всего сшить себѣ нѣсколько платьевъ для выборовъ... Меня непременно выберутъ. И становой, и жандармъ нашъ, всѣ въ одинъ голосъ называютъ меня депутаткой и пророчатъ мнѣ будущность...

— Неужели?

— Да, большую будущность. Это — общій голосъ. Потому я куплю себѣ нѣсколько руководствъ по краснорѣчію. Я ихъ изучу и буду говорить, говорить, говорить до безконечности...

— О чемъ же ты будешь говорить?

— Обо всемъ... Прежде всего постараюсь выдвинуть моего мужа, онъ ничего не дѣлаетъ и ничего не умѣетъ: даже въ чиновники не берутъ... Представь себѣ! Пристрою мужа. Я буду получать по 15 рублей въ сутки. Остановлюсь у тебя. Ты позволишь? Потому я намѣрена объѣхать всѣ редакціи и познакомиться съ собою представителей печати... У меня есть знакомства тамъ. Вся печать за меня: у одного редактора мы покупаемъ свиней іоркширской породы, у другого особые плуги, у третьяго мой мужъ займы беретъ... Да они всѣ такіе милые и съ убѣжденіями...

— Чьи же интересы ты будешь поддерживать?

— Вотъ вопросъ! Конечно, свои, душечка... Это такъ умно придумано. Мы съ мужемъ еще не пропадемъ...

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Театральные дѣятели объединяются въ корпорацію.

Единство интересовъ, единство общественнаго положенія, единство отношеній къ предпринимателямъ...

Они объединяются постепенно, не смѣло. Объединяются для объединенія, въ которомъ—сила.

Это объединеніе — только въ зародышѣ. Но уже и теперь среди предпринимателей замѣчается противное теченіе.

Объединеніе сценическихъ дѣятелей мѣшаетъ тому, что съ успѣхомъ практиковалось у насъ со временъ зарожденія театра, какъ промышленнаго предпріятія,—мѣшаетъ эксплуатаціи.

Предприниматели борются, хотя и безъ надежды на успѣхъ.

Предприниматели повышаютъ гонорары однимъ, увольняютъ другихъ, доносятъ на третьихъ. Въ ходъ пускаются самыя испытанныя, вѣрныя средства...

Но противъ общественныхъ явленій бороться трудно. И когда перевѣсъ останется за корпораціей, когда въ артистѣ разглядятъ высокую челоувѣческую личность, когда и онъ будетъ признавать за художника-творца,—тогда искусство поднимется на должную высоту и эксплуатація исчезнетъ.

Утверждаютъ, что лѣтомъ театральное искусство замираетъ, что не остается мѣста ничему важному и значительному.

Но такое утвержденіе покоится на заблужденіи.

Возьмемъ хотя бы Михайловскій театръ, спеціально устроенный для бомонда, имъ только и посѣщаемый, имъ только и покровительствуемый.

И въ самую жаркую годину тамъ совершается крупнѣйшій переворотъ: уходитъ г-жа Балета и переселяется въ Парижъ.

Для посторонняго и равнодушнаго обывателя такой уходъ ничего или очень мало значить. Но для театрала, болѣющаго искусствомъ, это—фактъ огромной важности.

Балета съ прпеными и Михайловская сцена — это своего рода особый міръ, гдѣ есть и администрація, и судъ, и законодательная власть.

Г-жа Балета для администраціи (конечно, театральной) стоила очень дорого: ей платили большое жалованье, передъ которымъ жалованье президента швейцарской республики—подачка нищему.

Г-жа Балета свободно судила объ искусствѣ, признавая таковымъ нѣчто своеобразное, хотя и драматическое (не для нея, разумѣется).

Г-жа Балета была законодательницей въ области моды.

И мы молча и равнодушно, а нѣкоторые даже поощрительно, взирали на то, какъ наши жены, матери и дочери изъ цикла «порядочныхъ» изъ кожи рвались, чтобы послѣдовать «знаменитой» артисткѣ въ области моды.

Но послѣдовать за Балета было трудно: она получала огромное содержаніе, около нея увивался бомондъ.

Успѣхъ Балета въ сценическомъ отношеніи — паденіе театральнаго искусства и сведеніе дарованій на степень аукціоннаго торга.

Мы привѣтствуемъ уходъ Балета, какъ свѣтлое явленіе нашей жизни, какъ проявленіе началъ истины.

Г-жа Балета взяла у насъ слишкомъ много, чтобы не быть долгой намъ.

Вотъ почему газетное извѣстіе объ уходѣ одной изъ талантливѣйшихъ женщинъ мы прочли съ истиннымъ удовольствіемъ.

Вотъ почему мы искренно признательны г-жѣ Балета за ея рѣшеніе отправиться въ Парижъ.

Тамъ она заслуженно отдохнетъ на лаврахъ.

Бѣдная Россія! Какого таланта лишилась ты!

НЕДѢЛЯ ЗРИТЕЛЯ

Пополнить пробѣлъ перваго номера «Зрителя» невозможно.

Жизнь не ждетъ, въ особенности въ настоящее время.

А независанія обстоятельства... Ихъ теперь такъ много!

Недѣля—это цѣлая вѣчность.

Недѣлю тому назадъ и «Новое Время» и «Московскія Вѣдомости» брацали оружіемъ, а теперь... говорить о мирѣ.

Опубликовано «правительственное сообщеніе министерства иностранныхъ дѣлъ».

Въ отвѣтъ на предложеніе Рузвельта въ сообщеніи сказано: «что же касается возможнаго свиданія русскихъ и японскихъ уполномоченныхъ, коимъ было бы поручено выяснить — въ какой мѣрѣ осуществима для обѣихъ державъ выработка условій мира, то Императорское правительство не встрѣтило бы въ принципѣ препятствій къ таковой попыткѣ, если японское правительство выразитъ на это желаніе».

Японское правительство выразило желаніе и согласно прислать своихъ уполномоченныхъ 19-го іюля (1-го августа) въ Вашингтонъ.

Важныя событія произошли за недѣлю и во флотѣ.

2-го іюня опубликованъ слѣдующій Высочайшій приказъ по морскому вѣдомству: «Его Императорское Высочество Великій Князь Алексѣй Александровичъ, согласно просьбѣ Его Высочества, Всемиловѣйше увольняется отъ должности главнаго начальника флота и морского вѣдомства, съ оставленіемъ въ званіяхъ Генераль-Адмирала и Генераль-Адъютанта, а равно и въ прочихъ должностяхъ и званіяхъ».

Всѣ столичныя газеты посвятили этому Высочайшему приказу передовицы.

Общественное мнѣніе, земскіе и городскіе дѣятели тоже не могли пройти молчаніемъ гибель нашего флота.

6-го сего іюня, въ 12 съ половиною часовъ дня, имѣли счастье представляться Его Императорскому Величеству въ Фермерскомъ Дворцѣ, въ Петергофѣ, прибывшіе въ С.-Петербургъ земскіе и городскіе дѣятели:

1) Графъ П. А. Гейденъ, опочечкій уѣздный предводитель дворянства, псковскій губернский гласный.

2) Князь Г. Е. Львовъ, предсѣдатель тульской губернской земской управы.

3) Н. Н. Львовъ, саратовскій губернский гласный.

4) И. И. Петруневичъ, тверской губернский гласный.

5) О. А. Головинъ, предсѣдатель московской земской управы.

6) Князь П. Д. Долгоруковъ, русскій уѣздный предводитель дворянства, камергеръ Высочайшаго двора.

7) Н. Н. Ковалевскій, харьковскій губернский гласный.

8) Ю. А. Новосильцевъ, темниковскій уѣздный предводитель дворянства.

9) Ф. И. Родичевъ, кандидатъ всегоспскаго, Тверской губерніи, предводитель дворянства.

10) Князь Д. И. Шаховской, ярославскій губернский гласный.

11) Князь З. Н. Трубецкой, ординарный профессоръ московскаго университета.

12) Варояъ П. Л. Корфъ, гласный с.-петербургской городской думы.

13) А. Н. Никитинъ, замѣститель предсѣдателя с.-петербургской городской думы.

14) М. П. Федоровъ, гласный с.-петербургской городской думы.

Ординарный профессоръ князь С. Н. Трубецкой обратился къ Государю Императору съ нижеслѣдующими словами:

«Ваше Императорское Величество.

Позвольте выразить Вашему Величеству нашу глубокую, искреннюю благодарность за то, что Вы припiali насъ послѣ нашего къ Вамъ обращенія. Вы поняли тѣ чувства, которыя руководили нами, и не повѣрили тѣмъ, кто представлялъ насъ — общественныхъ и земскихъ дѣятелей — чуть ли не измѣнниками Престола и врагами Россіи. Насъ привело сюда одно чувство — любовь къ Отечеству и сознаніе долга передъ Вами.

Мы знаемъ, Государь, что въ эту минуту Вы страдаете больше всѣхъ насъ. Намъ было бы отрадно сказать Вамъ слово утѣшенія, и если мы обращаемся къ Вашему Величеству теперь въ такой необычной формѣ, то вѣрѣте, что къ этому побуждаетъ насъ чувство долга и сознаніе общей опасности, которая велика Государю.

Въ смутѣ, охватившей все госу-

дарство, мы разумѣемъ не крамолу, которая сама по себѣ, при нормальныхъ условіяхъ, не была бы опасна, а общій разладъ и полную дезорганизацию, при которой власть осуждена на бесиліе. Русскій народъ не утратилъ патриотизма, не утратилъ вѣры въ Царя и въ несокрушимое могущество Россіи; но именно поэтому онъ не можетъ уразумѣть наши неудачи, нашу внутреннюю неурядицу; онъ чувствуетъ себя обманутымъ и въ немъ зарождается мысль, что обманываютъ царя. И когда народъ видитъ, что Царь хочетъ добра, а дѣлается зло, что Царь указываетъ одно, а творится совершенно другое, что предназначанія Вашего Величества урѣзываются и нерѣдко проводятся въ жизнь людьми, завѣдомо враждебными преобразованиямъ, то такое убѣжденіе въ немъ все болѣе растетъ. Страшное слово «измѣна» произнесено, и народъ шлетъ измѣнниковъ рѣшительно во всѣхъ, — и въ генералахъ и въ совѣтникахъ Вашихъ, и въ насъ, и во всѣхъ «господахъ» вообще. Это чувство съ равныхъ сторонъ эксплуатируется. Одни патривляютъ народъ на помѣщиковъ, другіе — на учителей, земскихъ врачей, на образованные классы. Одни части населенія возбуждаются противъ другихъ. Ненависть неумолима и жестокая, накопившаяся вѣками обидъ и утѣсненій, обостряемая нуждой и горемъ, безправіемъ и тяжкими экономическими условіями, подымается и растетъ, и она тѣмъ опаснѣе, что въ началѣ облекается въ патриотическія формы, — тѣмъ болѣе она заразительна, тѣмъ легче она зажигаетъ массы. Вотъ грозная опасность, Государь, которую мы, люди, живущіе на мѣстахъ, измѣрили до глубины во всемъ ея значеніи и о которой мы сочли долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества. Единственный выходъ изъ всѣхъ этихъ внутреннихъ бѣдствій — это путь, указанный Вами, Государь, — созывъ избранниковъ народа. Мы всѣ вѣримъ въ этотъ путь, но сознаемъ, однако, что не всякое представительство можетъ служить тѣмъ благимъ цѣлямъ, которыя Вы ему ставите. Вѣдь оно должно служить водворенію внутренняго мира, созиданію, а не разрушенію, объединенію, а не раздѣленію частей населенія и, наконецъ оно должно служить «преобразованію государственному», какъ сказано

было Вашимъ Величествомъ. Мы не считаемъ себя уполномоченными говорить здѣсь ни о тѣхъ окончательныхъ формахъ, въ которыя должно вылиться народное представительство, ни о порядкѣ избранія. Если позволите Государь, мы можемъ сказать только то, что объединяетъ всѣхъ насъ, что объединяетъ большинство русскихъ людей, искренно желающихъ идти по намѣченному Вами пути.

Нужно, чтобы всѣ Ваши подданные — равно и безъ различія — чувствовали себя гражданами русскими, чтобы отдѣльныя части населенія и группы общественныя не исключались изъ представительства народного, не обращались бы тѣмъ самымъ во враговъ обновленнаго строя; нужно, чтобы не было безправныхъ и обездоленныхъ. Мы хотѣли бы, чтобы всѣ Ваши подданные, хотя бы чуждые намъ по вѣрѣ и крови, видѣли въ Россіи свое Отечество, въ Васъ — своего Государя; чтобы они чувствовали себя сынами Россіи и любили Россію также, какъ мы ее любимъ. Народное представительство должно служить дѣлу объединенія и мира внутренняго. Поэтому также нельзя желать, чтобы представительство было сословнымъ. Какъ Русскій Царь — не Царь дворянъ, не Царь крестьянъ или купцовъ, не Царь сословій, — а Царь всея Руси, такъ и выборные люди отъ всего населенія, призываемые, чтобы дѣлать совмѣстно съ Вами Ваше Государево дѣло, должны служить не сословнымъ, а общегосударственнымъ интересамъ. Сословное представительство неизбежно должно породить сословную рознь тамъ, гдѣ ея не существуетъ вовсе.

Далѣе, народное представительство должно служить дѣлу «преобразования государственнаго». Бюрократія существуетъ невѣдъ, во всякомъ государствѣ, и осуждая ее, мы винили не отдѣльныхъ лицъ, а «приказный строй». Въ обновленномъ строѣ бюрократія должна знать подобающее ей мѣсто. Она не должна узурпировать Вашихъ Государственныхъ правъ, она должна стать отвѣтственной. Вотъ дѣло, которому должно послужить собраніе выборныхъ представителей. Оно не можетъ быть заплатой къ старой системѣ бюрократическихкихъ учрежденій. А для этого должно быть поставлено самостоятельно, и между нимъ и Вами не можетъ быть воздвигнута новая стѣпа въ лицѣ высшихъ бюрократическихкихъ учрежденій Имперіи. Вы сами убѣдитесь въ этомъ, Государь, когда

призовете избранниковъ народа и встанете съ ними лицомъ къ лицу, какъ мы стоимъ передъ Вами.

Наконецъ, предначертанныя Вами преобразованія столь близко касаются русскаго народа и общества, нынѣ призываемого къ участию въ государственной работѣ, что русскіе люди не только не могутъ, но не должны оставаться къ нимъ равнодушны. Посему необходимо открыть самую широкую возможность обсужденія государственнаго преобразования не только на первомъ собраніи выборныхъ, но нынѣ же въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ. Было бы пагубнымъ противорѣчіемъ призывать общественныя силы къ государственной работѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не допускать свободнаго сужденія. Это подорвало бы довѣріе къ осуществленію реформъ, мѣшало бы успѣшному проведенію ихъ въ жизнь.

Государь, на довѣрїи должно созидаться обновленіе Россіи».

Послѣ сего гласный с.-петербургской городской думы М. П. Федоровъ высказалъ слѣдующее:

«Позвольте, Ваше Величество присоединить къ тому, что сейчасъ было высказано княземъ Трубецкимъ, еще и то, что тревожитъ и волнуетъ города. Города и деревня такъ близки другъ другу, что всякая невагода деревни отражается и на благосостояніи города, бѣдитъ деревня и мы страдаемъ».

Мы не можемъ не беспокоиться о задачахъ ближайшаго будущаго: какъ бы Ваше Величество ни разрѣшили вопросъ войны и мира, война все-таки когда-нибудь кончится, и тогда настанетъ необходимость залѣчивать нанесенныя ею раны — экономическія и финансовыя: мы предвидимъ, что нашъ бюджетъ долженъ будетъ увеличиться ради этого на много милліоновъ въ годъ. Чтобы достать эти милліоны, чтобы найти источникъ для покрытія этихъ расходовъ, нужно начать огромную культурную работу, нужно озаботиться о подъемѣ производительныхъ силъ страны, а это только возможно тогда, когда будетъ призвано къ жизни все, что есть даровитаго и талантливаго въ народѣ и возбуждена широкая самостоятельность общества.

У Вашего Величества есть, правда, люди и люди талантливые, но ихъ немного, и они могутъ приглядываться къ потребностямъ и нуждамъ народнымъ только изъ своихъ кабинетовъ и канцелярій, тогда какъ предстоящая работа потребуетъ людей, стоящихъ у самой жизни.

Вотъ почему и города всецѣло присоединяются къ голосу земскихъ людей, мысли которыхъ передалъ здѣсь князь Трубецкой».

Его Императорскому Величеству благоугодно было отвѣтить:

«Я радъ былъ выслушать васъ. Не сомнѣваюсь, что вамъ, господа, руководило чувство горячей любви къ Роднѣ въ вашемъ непосредственномъ обращеніи ко мнѣ».

Я вмѣстѣ съ вами и со всѣмъ народомъ Моимъ всею душою скорбѣлъ и скорблю о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя принесла Россіи война и которыя необходимо еще предвидѣть, и о всѣхъ внутреннихъ нашихъ неурядицахъ».

Отбросьте ваши сомнѣнія, Моя воля — воля Царская созывать выборныхъ отъ народа — непреклонна. Привлеченіе ихъ къ работѣ государственной будетъ выполнено правильно. Я каждый день слѣжу и стою за этимъ дѣломъ».

Вы можете объ этомъ передать всѣмъ вашимъ близкимъ, живущимъ какъ на землѣ, такъ и въ городахъ».

Я твердо вѣрю, что Россія выйдетъ обновленною изъ постигшаго ее испытанія».

Пусть усталоится, какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всею Русью, общеніе между Мною и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ».

Я падаюсь, вы будете содѣйствовать Мнѣ въ этой работѣ».

Созывъ выборныхъ людей теперь вопросъ времени».

Кромѣ совѣта министровъ услепленную дѣятельность выказываетъ министерство финансовъ. Не успѣли закрыться коммисіи по улучшенію рабочаго положенія и по подоходному налогу, какъ открылась новая коммисія по вопросу о правдничномъ отдыхѣ приказчиковъ».

Распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

9-го іюня 1905 года.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 156 устава о цензурѣ и печати, пзд. 1890 г., и согласно заключенію совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, *опредѣлилъ*: приостановить выпускъ въ свѣтъ газеты «Русь» на одинъ мѣсяць».

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

Художественный отдѣлъ:	Важный проектъ	Стр. 6
Оригинальные рисунки:	Мухи	» 8
» виньетки и заставки 3, 4, 5, 6, 8, 11 и 12	Объявленіе	» 10
	Афоризмы и отрывки	» 11
Литературный отдѣлъ:	Депутатка	» 11
Старое преданіе	Театральное обозрѣніе	» 12
Стихотвореніе	Недѣля зрителя	» 13
	Объявленія	2, 15 и 16

Складъ пишущихъ машинъ
„НИАГАРА“, „ИДЕАЛЪ“
 И
„БЛИКЕНСДЕРФЕРЪ“.

Машины эти новѣйшихъ инструкцій и шрифтъ ихъ виденъ во время писанія отъ первой до послѣдней буквы. Цѣна: 40 р., 100 р., 140 р., 225 р. и дороже.

Торг. Домъ **Э. КИНКМАНЪ и К^о,**
 СПБ., Гороховая, 17.

ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА ПО ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ.

СКРИПКИ

Для учениковъ:
6, 8 10, 15 и 20 руб.

Для артистовъ:
25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 руб. и дороже до 1000 руб.

Народныя 2, 3 и 4 руб.

СМЫЧКИ

отъ 50 к. до 60 руб.

МАНДОЛИНЫ

Лучшихъ итальянскихъ мастеровъ отличнаго тона 22, 30, 50, 75, 100 р.

Дешевые сорта:
вѣмецкія 4 и 6 руб., итальянскія 8, 12, и 15 руб.

ГИТАРЫ

съ механизмомъ для струнъ 5, 6, 7 и 10 руб.,
лучшія (любительскія въ большомъ спросѣ) 15 и
20 руб., очень хорошаго качества 25, 30, 40, 50,
75 руб. и дороже.

дешевые сорта 3 и 4 руб.

БАЛАЛАЙКИ

Для любителей и оркестровъ съ металлическими
колками: 5, 6, 7, 10, 12, 15, 20 руб. и дороже.

Народныя 1½, 2, 3 и 4 р.

Дюры на разныя цѣны.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Морская, 34. ❁ Москва, Кузнецкій мостъ.

Рига, Купеческая, № 9.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

ТОЛЬКО ДО КОНЦА ГОДА

НА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЗРИТЕЛЬ“

Журналъ выходитъ по воскресеньямъ.

Цѣна отдѣльнаго нумера въ Петербургѣ — 5 копѣекъ.

Цѣна съ № 1 до конца текущаго года 2 рубля.

Годовая цѣна съ 1 Января — ^{3 рубля съ доставкой и пересылкой.}
2 рубля 50 коп. — безъ доставки и пересылки.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ

Д. Н. Поповой, Невскій проспектъ, 54.

Въ составъ редакціи входятъ: Ю. К. Арцыбушевъ, Г. Е. Гинцъ,
И. Я. Каганъ, Н. И. Фалѣевъ.

Редакція для личныхъ объясненій открыта по пятницамъ отъ 6 до 8 час. веч.

Рукописи, доставляемыя въ редакцію, должны быть за подписью автора и съ обозначеніемъ его адреса.

Желающіе получить редакціонный отвѣтъ благоволятъ присылать почтовую марку соответствующаго достоинства.

Всѣ рукописи и всякіе запросы должны быть адресуемы въ редакцію:

Спб., Каменноостровскій, 13.

Телефонъ 23862.

Редакторъ-издатель Ю. К. Арцыбушевъ.

Плата за помѣщеніе объявленій въ «ЗРИТЕЛЬ» передъ текстомъ
30 коп. строка петита, послѣ текста 20 коп.